

УДК 070(091)

**РУССКАЯ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ПУШКИНИАНА
В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
ПОЛИСТИЛИЗМА В МОНОСТИЛИЗМ
НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ**

Д.В. Туманов

Аннотация

На основе принципов концепции культурной трансформации, развиваемой в рамках современного социокультурного анализа, в статье исследуется эволюция образа А.С. Пушкина в русской публицистике рубежа XIX – XX веков, когда осуществлялся переход от полистилизма предреволюционной и революционной эпохи к моностилизму советского строя. В это время образ А.С. Пушкина стал предметом знаковой публичной социально-политической дискуссии, отразившейся в российской культуре. Автором применяются проблемно-исследовательский и сравнительно-исторический методы, что позволяет «вписать» литературный процесс динамики публицистической пушкинианы в социокультурный контекст рассматриваемого периода.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, публицистическая пушкиниана, эволюция образа, публицистика и литературный процесс на рубеже XIX – XX веков, публичная социально-политическая дискуссия.

Колоссальные изменения, происходящие в структуре общества, не могут не отразиться на социальной памяти как атрибутивной его характеристике. «В эти периоды перепутываются, «схлопываются» официальная история и история масс» [1, с. 18], нарушается привычная иерархия культурных форм. Прошлое, еще вчера понятное и узнаваемое, предстает загадкой, содержание его переосмысливается и как бы заново структурируется. Причем пересмотр прошлого происходит не по принципу дополнения и преодоления, а в постоянном преобразовании, так как социальная память главной своей ролью имеет обеспечение целостности, преемственности развития социального организма.

Вторая половина XIX столетия – время, когда появились в официальной и бесцензурной печати многие тексты А.С. Пушкина. В условиях острой социальной борьбы отношение к наследию и самому образу Пушкина приобрело особое значение. Интерес к поэту не был одинаков в этот период: пик внимания приходился на середину 1850-х годов, в связи с изданием П.В. Анненковым собрания сочинений А.С. Пушкина, и на середину 1860-х годов, когда появилась серия статей Д.И. Писарева, трактующих образ Пушкина как устаревшего поэта. В оборот вводились не только новые факты и подробности жизни и творчества поэта, в орбиту споров включались и толкования пушкинского образа.

П.В. Анненков, перечитывая рукописи и наблюдая за движением социальных и эстетических воззрений поэта, видел цель издания семитомного собрания сочинений в том, чтобы «уловить мысль А. Пушкина» [2, с. 132], а потому снабдил произведения комментариями, произведя периодизацию этапов творчества поэта. Будучи по взглядам умеренным либералом, он оценивал развитие А.С. Пушкина как движение в сторону либерального консерватизма. Поэт, по его мнению, желал всею душою для своей Родины умножения прав и свободы «в пределах законности и политического быта, утвержденного всем прошлым и настоящим России» [2, с. 637].

К началу 1860-х годов обострилось противостояние между революционной демократией и либералами, которые доказывали свое право на монопольное обладание Пушкиным. В серии статей о поэте Д.И. Писарев последовательно развивает мысль, что его место – в пыльном кабинете антиквара: «Пушкин может иметь только историческое значение, а для тех людей, которым некогда и незачем заниматься историей литературы, не имеет даже вообще никакого значения» [3, с. 363]. Нигилистические высказывания Писарева привели к падению интереса к образу Пушкина у революционно настроенной части общества, тем самым способствуя утверждению монархических позиций в борьбе за образ поэта.

Конечно, писавшие о А.С. Пушкине нередко произвольно интерпретировали его творчество, субъективно трактовали его взгляды – таким образом, начал возникать Пушкин-западник и Пушкин-славянофил, Пушкин-монархист и Пушкин-революционер... Однако к столетию со дня рождения поэта официально утвердилось мнение, что А.С. Пушкин выступал за конституционную монархию, причем «народные и исторические симпатии А. Пушкина зависели от его нравственных и религиозных убеждений, а не наоборот» [4, с. 11]. Возникшие в период подготовки столетнего юбилея поэта многочисленные Общества любителей российской словесности и Пушкинские общества лишь способствовали «огосударствлению» образа Пушкина. Циркуляры, разосланные по округам, точно регламентировали не только характер проведения торжества, но и точно указывали круг произведений, «достойных зачитания» (см. [5, с. 164–165]). В основу всех юбилейных речей 1899 года надлежало положить известную речь Ф. Достоевского, произнесенную им 8 июня 1880 года в заседании «Общества любителей российской словесности».

Любопытна ветвь дореволюционной пушкинианы, связанная с деятелями религии. Поставив своей целью исследовать духовный мир Пушкина, известные иерархи Православной Церкви, церковные публицисты, отечественные филологи и мыслители трудились над прояснением религиозного облика поэта.

Особое место в ряду богословов, интерпретировавших наследие А.С. Пушкина, занимает митрополит Киевский и Галицкий Антоний (в миру – Алексей Павлович Храповицкий), с 1920 года живший в эмиграции, в Югославии, и возглавлявший до своей кончины в 1936 году Русскую Зарубежную Церковь. Выдающийся православный богослов, церковный писатель и педагог, с 1895 года он был ректором Казанской Духовной академии и приглашался в Казанский университет с публичными лекциями.

Одно из его ключевых выступлений – «Слово перед панихидой о Пушкине», впервые опубликованное в 1899 году, в июньской книжке издававшегося в Казани журнала «Православный собеседник». Отмечая, что поэт прежде всего был христианским моралистом и потому сделался народником, Антоний видит в этом особый способ выработки убеждений А.С. Пушкина, «освобождавший его от всяких увлечений, от всякой партийности, от тогдашнего придворного космополитизма и мистицизма, от декабристов и от аракчеевщины и открывший ему путь к православной вере» [4, с. 106]. Как публицист, отмечает Антоний, Пушкин не мог не замечать социально-политических явлений, однако интересовали они поэта, по мнению церковного иерарха, лишь с нравственной точки зрения: если не учитывать этого, одни и те же политические партии и течения могут в его произведениях найти как подтверждение собственных взглядов, так и резкое неприятие.

С сожалением отметим, что в послереволюционной России никакие академические группы не ставили, да и не могли ставить себе целью исследовать духовный мир Пушкина. Этим разве что занимались одиночки, без расчета на публикацию.

Торжества по случаю столетия со дня рождения поэта имели еще одну отличительную черту. 29 января 1887 года истек срок права литературной собственности на сочинения А.С. Пушкина его потомков. Прилавки наводнили многочисленные дешевые издания, доступные широкой читательской аудитории. И если отечественные литераторы промолчали, то, скорее всего, потому, что произведения А.С. Пушкина отныне не нуждались в авторитетной интерпретации: празднования шли в губернских и уездных городах.

Вместе с тем провинция чувствовала поэта главным образом в учебных заведениях и библиотеках. Газета «Сельский вестник», имевшая до ста тысяч подписчиков, предложила своим читателям высказаться по поводу юбилея. Как выяснилось, о Пушкине крестьяне в то время еще не имели почти никакого понятия, кроме того, что пели его «Братьев-разбойников», «Под вечер осенью ненастной» и другие песни.

И в самом деле, по подсчету С. Клепикова, «общее количество листов, иллюстрирующих отдельные произведения А.С. Пушкина или совокупность их, достигает 260» [6, с. 5]. Речь идет о лубочных изданиях, где главным образом пропагандировались сказки А.С. Пушкина и некоторые его стихотворения (самым популярным опять же назовем романс «Под вечер осенью ненастной»). Такова была биография пушкинских произведений к началу века. И не удивительно в таком случае признание другого читателя «Сельского вестника», сообщившего, что о Пушкине узнал более 20 лет тому назад, когда был на войне в Румынии. Солдат-поляк рассказал ему про польского поэта Мицкевича, с которым был дружен русский поэт Пушкин, этот Пушкин был убит в Париже французом Дантесом, и за гибель Пушкина отомстил Мицкевич и убил Дантеса тоже на дуэли. Эта легенда не была опровергнута корреспондентами газеты, «Сельский вестник» даже не прокомментировал рассказ. Впрочем, газета и не могла как-либо повлиять на устоявшееся у сельчан восприятие А.С. Пушкина, хотя, конечно, встречались и знающие подлинную биографию поэта. Однако

народная интерпретация жизни мученика, каковым предстал Пушкин, глубоко пустила корни в сознании масс.

Распространение творческого наследия поэта по Российской империи зачастую носило характер русификации коренного населения. В недавно покоренных краях приехавшие из России популяризаторы собирали жителей на главные площади аулов и устраивали митинги, посвященные пушкинскому юбилею. Ненависть к порабощателям оборачивалась неприятием, а порою и обычным непониманием поэзии Пушкина.

К началу века споры вокруг имени А.С. Пушкина велись по большей мере в кругу интеллигенции Москвы и Санкт-Петербурга. Провинция, как правило, не участвовала в диспутах, придерживаясь лишь официальных трактовок образа поэта. К тому же, споры эти носили частный характер толкования тех или иных произведений, а потому не могли стать достоянием широких читательских масс.

Надвигалась эпоха тьмы, образно охарактеризованная В. Ходасевичем так: «Эпоха Пушкина – уже не наша эпоха, а писателем древности он еще не сделался, так что научное изучение Пушкина, какие бы огромные шаги оно ни сделало, составляет еще достояние немногих» [7, с. 376].

Картина литературного развития рубежа веков была крайне сложной и, на первый взгляд, необъяснимо пестрой. В литературе возникало множество течений, школ, групп, что было обусловлено многообразием социальных сил, выступивших на арену русской общественной жизни, и тем или иным отношением писателей к февральской и октябрьской революциям, их движущим силам. Перед каждым художником-мыслителем вставал вопрос о связи искусства и жизни, искусства и революции, вопрос о преемственности и литературно-генетической связи. На рубеже веков возникает два противоположных по своим идейно-творческим принципам направления: складывающаяся на подъеме рабочего движения пролетарская социалистическая поэзия и поэзия «новых», декадентских течений. Для первых – значение творческой личности заключается только в ней самой, и развивается эта личность по своим, внеобщественным, иррациональным законам. Единственным критерием познания мира в декадентском искусстве признается духовный опыт человека. В этих условиях образ Пушкина и становился своеобразным критерием проверки отношений к вышеперечисленным связям.

Каждое из декадентских течений (символизм, младосимволизм, акмеизм, эгофутуризм, футуризм) выдвигало свою эстетическую программу, включавшую в себя и отношение к классическому наследию завершающейся эпохи. Первым манифестом социальной этики и эстетики русского символизма стала книга Д. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Теоретиком и организатором символизма стал В. Брюсов. Однако он, в отличие от Д. Мережковского, все же не возводил символизм в мировоззренческую категорию, оставляя за ним право быть лишь литературной школой. Вскоре возникло новое течение – младосимволизм. Подменяя понятие социальной революции понятием «революции в духе», которую совершит человечество под воздействием искусства, А. Блок, А. Белый, С. Соловьев и другие сторонники этого течения переносили проблемы современности из социальной плоскости в сферу эстетических отношений. У акмеистов – А. Ахматов-

вой, С. Городецкого, О. Манделъштама, Н. Гумилева – основным направлением, ориентиром в искусстве стал изысканный стиль, четкость поэтических конструкций. Д. Бурлюк, В. Хлебников, А. Крученых, В. Каменский, В. Маяковский объединились вокруг подчеркнуто анархической программы футуризма, провозгласив революцию формы независимо от содержания, субъективную волю художника, абсолютную свободу поэтического слова и отказ от всех традиций.

При всем различии, наблюдавшемся в эстетических программах декадентских течений, было нечто общее, роднившее их в отношении к образу Пушкина: отрицая его историческую и социальную роль, они рассматривали его лишь как поэта. Наиболее радикальным было отношение к Пушкину футуристов: «Сбросим Пушкина <...> с Парохода современности», – заявляли они. Современное искусство футуристы намеревались создавать, исходя из отрицания традиций русской и мировой классической литературы. Символом этой литературы для них был Пушкин, представлявшийся им антиподом новаторства в искусстве.

В предреволюционные годы вызревали новые подходы к оценке пушкинского наследия. Социал-демократам важно было пропагандировать марксистское отношение к А.С. Пушкину в народе, в среде рабочих. Дооктябрьская «Правда» неоднократно пишет о нем, включая его в ряд борцов против тирании и крепостного гнета: рядом с Н. Некрасовым выступают «такие великие прозорливцы, ведавшие тайны природы и человеческой души, как Пушкин и Лермонтов», – подчеркивается в статье «Н.А. Некрасов (к 35-летию со дня смерти)», опубликованной за подписью *Е. Краев*.

Политико-философская тема, составляющая основу творчества Пушкина, выражение историко-социального протеста, пафоса гуманизма и демократии, подчеркивавшиеся В. Белинским, А. Герценом, Н. Огаревым и другими, послужили мостом, который соединял величайшие художественные изыскания с важнейшими вопросами освободительного и революционного движения. Еще А. Мицкевич в лекциях о славянской литературе подчеркивал: «Имя Пушкина становится лозунгом для всех жизненных сил недовольных в России».

Таким образом, в то же самое время формируется иное отношение к Пушкину. Основываясь на идее преемственности развития культуры, М. Горький выдвинул формулу: Пушкин «у нас – начало всех начал». Он подчеркивал роль прогрессивных традиций и значения А.С. Пушкина в становлении и развитии литературы, связывая его с революционным движением рабочего класса: «Читайте почаще Пушкина – это основоположник поэзии нашей и всем нам навсегда учитель. Тем, кто кричит, что Пушкин-де устарел, не верьте – стареет форма, дух же поэзии Пушкина нетленен» [8, с. 303].

Одним из первых послереволюционных полных собраний сочинений А.С. Пушкина стал однотомник с биографией и литературной характеристикой поэта, составленной Л. Гросманом, двадцатью иллюстрациями С. Гольдмана, изданный в 1919 году в Одессе на 606 страницах. Но уже в 1918 году издательство «Альциона» в Москве начало знакомить читателя с неведомым доселе Пушкиным и выпустило полный текст «Гавриилиады» со вступительной статьей и критическими замечаниями В. Брюсова. Первоначально издано было 555 нумерованных экземпляров. Но уже через некоторое время тиражирование этой

поэмы А.С. Пушкина значительно возросло: более десятка издательств повторили «подвиг» москвичей. И Россия вкусила, по словам Б. Томашевского, «первые плоды свободы печати».

Отношение к А.С. Пушкину в 1920-е годы было чрезвычайно полемичным: хотя актуальность Пушкина почти никто не отрицал, но имя Пушкина стало оправданием для самых разных, иногда резко противоречащих друг другу литературных взглядов. На место раннефутуристических эпатажных лозунгов пришел новый тип дискуссии: Пушкин стал оправданием автономности поэзии, ее неподвластности диктату общества и вкуса посредственности. Поэзия А.С. Пушкина свидетельствует о «тайной свободе», о том, что «испытание сердце гармонией не есть занятие спокойное и обеспечивающее ровное и желательное для черни течение событий внешнего мира» [9, с. 146], что поэзия своим существованием угрожает бюрократическому «порядку». Это новое понимание было резко заявлено в 1921 году в речи А. Блока «О назначении поэта», которая вызвала очень сильный резонанс – во-первых, сама по себе, во-вторых, потому, что была воспринята после смерти А. Блока как его завещание.

Предвидя последствия подобного отношения к искусству в целом, А. Блок записал в дневнике: «Нельзя оскорблять никакой народ приспособлением, популяризацией. Вульгаризация не есть демократизация. Со временем народ все оценит и произнесет свой суд, жестокий и холодный, над всеми, кто считал его ниже его, кто не только из личной корысти, но из своего <...> интеллигентского недомыслия хотел к нему «спуститься». Народ – наверху; кто спускается, тот проваливается» [10, с. 446].

Пророчество А. Блока подтвердилось и на сей раз. Однако не по вине настоящих ученых, а по недомыслию тех, кто язык науки подменил языком маузера: была проведена кампания чистки гуманитариев, работавших в Библиотеке Санкт-Петербургской Академии Наук, Пушкинском Доме, в университете. В «колыбели революции» стряпается дело о «монархической контрреволюционной организации», возглавляемой С. Платоновым, Е. Тарле и другими историками. В 1921 году старой профессуре было предложено беспрепятственно покинуть страну. Официально сообщались время и место отправки пассажирского теплохода. В следующем, 1922 году не вписавшиеся в новую идеологическую ситуацию ученые будут высланы уже в приказном порядке.

В 1922 году встревоженный В. Ходасевич писал: «Нельзя и не надо превращать пушкинский канон в прокрустово ложе. Знамя с именем А. Пушкина должно стоять вертикально: да не будет оно чем-то вроде эстетического шлагбаума, бьющего по голове каждого, кто хочет идти вперед. А. Пушкин не преграждает пути, он его открывает» [11, с. 84].

Одновременно в пушкиниане формируется новый марксистско-ленинский взгляд на образ Пушкина. Говоря о роли художественной литературы в политико-воспитательном процессе, М. Калинин подчеркивал: «Она захватывала, развивала, толкала людей на революционные действия. Эта литература показывала отрицательные стороны существующего буржуазно-помещичьего мира и занималась вопросом о том, как улучшить жизнь угнетенных людей, страдающих, бедноты» [12, с. 81]. Такой подход к классическому наследию и стал решающим в развитии пушкинианы.

«Правда» неоднократно обращается к творчеству А.С. Пушкина, подчеркивая, что его произведения любимы и читаемы в народе, особенно среди рабочего класса. Борьба Пушкина против деспотии царизма и крепостничества была настолько близка «Правде» и ее читателям, что имя классика она упоминает в первом же номере, вышедшем после длительного перерыва 5 марта 1917 года.

Позиция газеты станет более ясной, если учесть, что еще в 1910 году А. Белый увидел народность пушкинской литературы в том, что «она является носительницей религиозных исканий интеллигенции и народа», чуть ранее, в 1899 году, Д. Мережковский приглашает к защите А. Пушкина от «демократического варварства», а В. Розанов и вовсе заявляет, что «связь Пушкина с последующей литературой весьма проблематична» (см. [13, с. 63]).

Таким образом, «Правде» приходилось бороться за «чистоту» понимания пушкинского наследия и с представителями буржуазного литературоведения, и с активными ниспровергателями «непролетарского» искусства. Памятуя, что имена В. Ленина и Л. Троцкого говорили темному представителю народа больше, нежели имя А.С. Пушкина, литературоведы в статьях, появившихся на страницах большевистской прессы, опирались на теоретические работы политического характера. И здесь первое место остается за трудами В. Ленина.

Не единожды он апеллирует к имени и творчеству А.С. Пушкина. И не раз имя Пушкина сопрягается с именем Владимира Ильича в воспоминаниях родных и соратников вождя революции. Таким образом, можно говорить о документированном подтверждении отношения вождя революции к личности Пушкина. Но поэт был для него лишь одним из представителей политической дореволюционной культуры, а отнюдь не революционером, примыкавшим к декабристскому движению. Подтверждением этому служит «неупоминание» имени Пушкина в связи с декабристами, хотя апелляция к ним прослеживается в десяти работах В. Ленина. Наконец, процитируем воспоминания Н. Мещерякова: «Ленин любил поэзию, он очень любил Пушкина и читал его с громадным удовольствием...» (цит. по [14, с. 121]).

Кажется, яснее не выразиться. Именно в этом значении – как поэта – упоминал в своих работах Пушкина В. Ленин. Значит, он не мог быть родоначальником теории революционности А.С. Пушкина.

Обратимся к наследию А. Луначарского. С 1917 по 1929 год он был наркомом по просвещению РСФСР, затем председателем Ученого комитета при ЦИК СССР и проявил себя как активнейший организатор культурного строительства в стране. Будучи публицистом ленинской школы, Анатолий Васильевич внес немалый вклад в формирование ленинской концепции развития общественной мысли. К имени Пушкина он обращается в двадцати трех работах. Одни только названия работ отражают широчайший диапазон интересов А. Луначарского. И на каждом этапе развития литературы он находит свое место для наследия Пушкина.

«Пушкин не мог не протестовать против самодержавия, и он протестовал, так что, по существу говоря, большая часть его произведений, и напечатанных, и не могших быть напечатанными, и даже сожженных им, была посвящена политической борьбе. Он был далеко вперед ушедшим революционером...» [15, с. 18]. К такому выводу пришел А. Луначарский в 1925 году.

Будучи крупным теоретиком литературы, он, следуя ленинской концепции развития общественной мысли, одним из первых поставил вопрос об особенностях пролетарской литературы. В центр его литературоведческого творчества была вынесена проблема «Искусство и революция». И обращение А. Луначарского в этой связи к имени Пушкина показательное. Исследуя его работы, можно сделать вывод о порождении им мифологемы «Пушкин и революция», укрепившейся в вульгарном пушкиноведении первых лет советской власти. Нарком первым выявил «революционное» значение Пушкина: «Подлинная революция непременно космата, непременно чрезмерна, непременно хаотична... Это великолепно чувствовал и сказал нам Пушкин...» [16, с. 313]. Таким образом, был сформирован вульгарно-социологический подход в пушкиниане, который определенное время после революции был достаточно распространен. Ему пытался противостоять М. Горький, который, характеризуя величие поэта и признавая ценность его творчества для становления социалистической культуры, не переоценивал его революционность.

В накаленной атмосфере предреволюционных лет воспетая Пушкиным «тайная свобода» воодушевляла, слово поэта звучало призывом к обновлению. В 1885 году Г. Плеханов в статье «Два слова читателям рабочим» указывал, что «Евгения Онегина» «рабочий просто не поймет», поскольку «главным действующим лицом в романе – *его героем* – является барин»: рабочего «вряд ли займут» его похождения [17, с. 484]. Однако через 15 лет, в выступлении, посвященном 75-летию восстания декабристов, Г. Плеханов уже указывал на чрезвычайное значение тесных связей поэта с героями 14 декабря, создались предпосылки для рассмотрения «революционности» Пушкина, чем воспользовалась дореволюционная «Правда» и теоретик новой литературы А. Луначарский.

Борьба за «нового» Пушкина переродилась в новую концепцию формализма. Один из главных идеологов нового метода В. Шкловский писал: «Мы должны в кино, которое обладает огромной силой внушения, создавать вещи, параллельные произведениям классиков. Мы должны заново поставить «Капитанскую дочку», «Войну и мир». Для этого необходимо «бороться по линии изменения сведений, которые они сообщают» [18, с. 8]. Поскольку, считал В. Шкловский, мировоззрение Пушкина ограничивало возможность передачи «правильных» фактов об изображенной им действительности, текст следовало исправить. Следуя этому принципу, создавали свои произведения и сатирики. В коллективной поэме «Товарищ Евгений Онегин» Онегин оказывается агрономом, Татьяна – работницей почты, а Ленский – селькором. Главной целью длинного стихотворного повествования стало доказательство актуальности пушкинских масок для изображения современной действительности. Отслеживая этот процесс интерпретации и перепевов пушкинских произведений, русское зарубежье откликлось на них фельетонами И. Тхоржевского и Дон Аминадо.

В 1924 г., когда ученые решили отметить 125-летие со дня рождения поэта, было создано Общество друзей Пушкинского заповедника в Михайловском, провозгласившее своей задачей пропаганду творческого наследия А.С. Пушкина среди широких масс трудящихся. Тогда же была выдвинута идея проведения в заповеднике народных праздников, посвященных поэту. При этом следует

помнить, что к 1924 году ничего не сохранилось после тревожного 1918 года: ни усадеб, ни парков, ни даже могилы А.С. Пушкина...

Возглавлял делегацию Общества друзей его председатель, президент Академии Наук А. Карпинский. Писатели и ученые ходили вместе с народом пешком по всем памятным местам будущего Пушкиногорья. Используя многообразие видов общения, – личное, непосредственное, художественное, игровое, – они пытались слить воедино две ветви пушкинианы – научной и народной. Заложенная традиция совмещения этих ветвей пушкинианы пригодилась при моделировании нового имиджа поэта – всенародного символа отечественной литературы.

Социально-политические изменения в стране после Октябрьской революции вызвали трансформацию общественного сознания, изменения мировоззрения. К 1924 году заканчивается революционная эпоха, которой присуща полистилистическая культура, начинает формироваться моностилистическая культура, которая будет характерна для Советской России. Хронологически переход к моностилистической культуре был завершён к 1937 году.

Summary

D.V. Tumanov. Russian Non-fiction Pushkiniana in the Context of Polystylistical Cultural Transformation into Monostyle at the turn of 19–20th centuries.

The article deals with the evolution of Pushkin's image in Russian non-fiction at the turn of the 19–20th centuries, based on principles of cultural transformation, which is developed within the contemporary socio-cultural analysis. It was the period of transition from polystyle of pre-revolutionary and revolutionary epoch to the monostyle of Soviet system. At that time, the image of Pushkin became a subject of symbolic and public socio-political discussion, reflected in Russian culture. The author uses problem-research and comparative-historical methods, which allow to include dynamic literary process of non-fiction Pushkiniana into the socio-cultural context of the period under discussion.

Key words: A.S. Pushkin, non-fiction Pushkiniana, evolution of image, non-fiction and literary process at the turn of 19–20th centuries, public socio-political discussion.

Литература

1. *Тереженко Н.А.* Социальная память как продукт и фактор исторического развития: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Казань, 1992. – 20 с.
2. *Анненков П.В.* Материалы для биографии А. Пушкина // Пушкин А.С. Сочинения. – СПб., 1855. – Т. 1. – 642 с.
3. *Писарев Д.И.* Пушкин и Белинский // Собр. соч.: в 4 т. – М.: Гослитиздат, 1956. – Т. 3. – С. 358–365.
4. *Храповицкий А.* Слово перед панихидой о А.С. Пушкине, сказанное в Казанском университете 26 мая 1899 года // Речи о Пушкине: 1880–1960-е годы. – М.: Текст, 1999. – С. 97–109.
5. ЛОУИИ, Фонд Департамента народного просвещения. – 1899. – Д. 191840.
6. *Клепиков С.А.* А.С. Пушкин и его произведения в русской народной картинке. – М.: Гос. лит. музей, 1949. – 130 с.

7. *Ходасевич В.Ф.* Колеблемый треножник // Пушкинист: Сб. Пушкинской комиссии Ин-та мировой лит. им. А.М. Горького / Сост. Г.Г. Красухин. – М.: Современник, 1989. – Вып. 1. – С. 370–378.
8. *Горький А.М.* П.Х. Максимова // Собр. соч.: в 30 т. – М.: Гослитиздат, 1955. – Т. 29. – С. 303.
9. *Блок А.А.* О назначении поэта // Речи о Пушкине: 1880–1960-е годы. – М.: Текст, 1999. – С. 143–148.
10. *Блок А.А.* Я лучшей доли не искал... – М.: Правда, 1988. – 560 с.
11. *Ходасевич В.Ф.* Окно на Невский. 1. Пушкин // Лирический круг. – М., 1922. – С. 83–84.
12. *Калинин М.И.* О литературе. – Л.: Лениздат, 1949. – 222 с.
13. *Десницкий В.А.* Пушкин – родоначальник новой русской литературы // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Вып. 3. – С. 43–65.
14. *Мейлах Б.С.* Пушкин в дооктябрьской марксистской критике // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 106–124.
15. *Луначарский А.В.* Судьбы русской литературы: Лекция, прочитанная в Академии коммунистического воспитания 15 окт. 1924 г. – Л.: Academia, 1925. – 56 с.
16. *Луначарский А.В.* В.Г. Короленко // Статьи о литературе: в 2 т. – М., 1988. – Т. 1. – С. 308–319.
17. *Плеханов Г.В.* Искусство и литература. – М.: Гослитиздат, 1948. – 887 с.
18. *Шкловский В.Б.* Как ставить классиков // Сов. экран. – 1927. – № 33. – С. 8–10.

Поступила в редакцию
05.11.07

Туманов Дмитрий Валериевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Казанского государственного университета.
E-mail: dvt64@mail.ru